

ОЛЬГА УСКОВА

РАША

Издательство АСТ
Москва
2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У75

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается*

*Все персонажи произведения являются вымышленными,
и любые совпадения с реальными событиями,
реально живущими или жившими людьми случайны*

*В оформлении книги использованы иллюстрации,
подготовленные Антоном Емельяновым
с использованием Искусственного Интеллекта*

Ускова, Ольга Анатолиевна.

У75   Раша / О. А. Ускова. — Москва : Издательство АСТ, 2026. —
304 с. — (Трансгуманизм fiction).

ISBN 978-5-17-162300-5

Иерусалим — Москва — Донецк — огненная ось нашего времени. В этом треугольнике сегодня проходят глобальные обновления все герои книги и весь реальный мир, из которого и соткана эта книга.

Любовь и Предательство, Искушение деньгами и Властью, право на смерть и право на жизнь. Что перед нами — публицистика с элементами мистики или фэнтези про мир, вооруженный воюющим Искусственным Интеллектом, занавешенное документальными событиями?

Все, что описано в книге, происходит прямо сейчас непосредственно с каждым из ее читателей. И всем нам приходится отвечать на вопросы:

- Кто я?
- С кем я?
- Где моя Родина?
- Зачем я на этой Земле?

Герои книги ответили.

«О чем-то из сегодняшних событий мы постараемся забыть в будущем, но роман “Раша” напомнит, какими мы были, как думали, чего боялись, на что надеялись. В этом его главная ценность».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-162300-5

© Ускова О.А., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

*Памяти моей мамы,
Васильевой Ольги Николаевны,
и моего коня, Нептуна...*

ВСТУПЛЕНИЕ

Мы шли по вечерней Москве. Антон держал меня за руку и что-то рассказывал про работу. Во дворе стоял наш покровский бомж, Петрович. Летом обычно он пропадает. Путешествует по курортам, видимо, а вот к зиме обязательно возникает в районе помойки для решения вопросов полевого фуражирования и системного пропитания в условиях холодов.

Петрович в этот раз стоял посреди спортивной площадки, закинув голову и подняв обе руки к небу. Мышцы его были напряжены. Лицо красно. На висках были капли пота.

Я подошла:

— Петрович, все нормально? Ты медитируешь, что ли?

Бомж с трудом повернул ко мне затекшую от долгого статичного напряжения голову:

— Я, мать, небо держу... Пиздец, если упадет. Ты не могла бы подменить меня на пару минут? Отойду поссать за ящики. С утра стою.

— А тебе кто поручил-то это делать?

— Голос был в двенадцать часов дня. Вот прямо пересекал я двор, а в голове моей — щелк! Как радио вклю-

чили: «Стой здесь, Петрович. А то небо наебнем». Ну и торчу тут весь день. Колени уже трясутся. Что делать-то?

Антон подошел к нам. Петрович его очень уважает за развитую мускулатуру и окладистую бороду. Слушает всегда с почтением.

— Петрович, отбой. У меня вот только что был в голове тот самый голос. Сказал, отбой: ты человечество на сегодня спас. И просил передать две тысячи рублей — премия за спасение человечества. Только руки медленно убирай. Сначала левую, потом правую. Чтобы равновесие не нарушить. Оно нынче во Вселенной ни к черту. Сам должен понимать.

Петрович медленно опустил руки. Торжественно принял деньги. И, слегка приседая на затекших ногах, побрел со двора.

Сегодня нам всем приходится держать на плечах шаткое небо. Каждому — свой уголок. В наших головах крутится тьма вопросов. Мы ежедневно делим людей на своих и чужих, и они, словно крути, расходятся по воде жизни личными трагедиями и глобальными катастрофами. Но небо-то одно на всех. И нам всем приходится его поддерживать. Иначе точно кто-нибудь грохнет его по глупости или по злому умыслу.

Книга пришла ко мне в этот раз без спроса и без очереди. У меня не было возможности осесть на берегу красивого моря и писать свой второй роман, как это случилось с «Этюдами черни». Честно говоря, у меня в этот раз вообще не было никакой возможности что-либо писать. Но история мучила меня. Стучалась в сердце, теребила ум, грозила уйти навсегда, если не начну записывать. И я начала. В машинах — между перегово-

ми. «Сапсан» — вот еще потрясающее место для писателя: четыре часа туда, четыре часа оттуда. Приемные у министра — замечательно. Никогда вовремя не принимает. Всегда торчишь минут по сорок и злишься. Но теперь это сорок минут счастья написания книги. Ну и, конечно, — ночи. Они-то уж мои. А спать? Необязательно спать-то. Сон придумали лентяи и бездари. Сон — удел здоровых людей. Сон — это не к нам, это в квартиру на втором этаже.

Ну и через два месяца этого безумия я поняла, что создаю трилогию, в которой первая книга — «Этюды черни». Она про современный мир, где сосуществуют Естественный и Искусственный Разум. И в этой книге больше про роботов, чем про людей. А вторая книга — перед вами. «Раша». Она про сегодняшний мир, где есть Естественный и Искусственный Разум, но главное сегодня — разобраться именно с человечеством, со всеми всплывшими на поверхность вопросами. С этой нашей жизнью на фоне вечной войны всех против всех и всегда.

Я имела смелость поднять многие проклятые и проклятые вопросы, вставшие перед растерянными современниками из глубины текущих дней, и не компромисничать. Возможно, ответы, которые для себя получили от жизни герои этой книги, не всем читателям понравятся, но это честные ответы, пришедшие в роман прямо из жизни.

И еще: пока писала, заметила за собой новые странности. Со мной лично, с моим телом происходили те же реакции, что и у описываемых героев. Когда муж обнаружил, что я работаю над главой о лошади и сама же заливаюсь слезами, он всерьез испугался за мое здоровье и предложил прекратить такое писательство. Я гордо по-

казала ему воспоминания современников Льва Николаевича Толстого, рассказывавших, что, когда великий Лёвушка швырнул Каренину на рельсы, у него на спине и ребрах проступили полосы и держались несколько дней.

Здесь так же, как и в первой книге, перемешаны действительность и вымысел. Действия происходят прямо сейчас. Пока вы будете читать эту историю, литературные герои «Раши» будут проживать все читаемое в реальном времени в соседнем пространственном измерении.

Роман я посвятила маме — это для всех близких было очевидно, ведь из-за героини «Раши», Киры Николаевны, так и выглядывала она — моя невероятная, неуемная, веселая и мудрая мама. Мамы больше нет с нами, но она вернулась в мою жизнь с этой книгой.

А вот коня Нептуна я даже не решилась переименовывать. Он так и вошел в повествование весь в огненных шариках моих воспоминаний и покинул его, умытый моими слезами и обещанием встретиться.

Дорогие мои друзья, у каждого романа есть одна главная мысль, из которой раскручиваются все остальные смыслы. И если в «Этюдах черни» таковой стала тема избавления от страхов, то в «Раше» несущей балкой является избавление от лжи.

Закончу вступление реальным письмом от релоцировавшегося бывшего сотрудника моей компании *Cognitive Technologies*. Публикую с его разрешения.

«...О. А., здесь принято хорохориться и... только о хорошем тут и об отвратительном в России друг другу, но реально никогда еще не накрывало такое чувство одиночества, хотя вокруг знакомых сейчас даже больше, чем в Москве. Сквозь сон слышишь крик муэдзина. Пять утра.

Сука. Зачем? Почему? Я не хочу докричаться до Аллаха. И до пророка Магомета не хочу. Просто спать, а утром похрустеть листьями в Сокольниках на работу... Зато солнце и Босфор. Но я не хожу туда на залив. Никто, кстати, не ходит из понаехавших. Почему-то бесит всё то в Стамбуле, что на отдыхе так нравилось. Сажу в комнате целый день. Пытаюсь работать. Я же прогер. Мне все равно, где кодить. Но я еще и человек. Не все равно...

Дело в воздухе. Дело в мелочах. Дело в этих кафухах. Дело в глазах таких же, как я здесь, сидящих в этих кафухах. Дело во взглядах местных, которые видят в нас только объект наживы и иногда источник развлечения:

— Как дела, брат? Война — плохо! Мир! Ты — молодец, брат! С тебя за рыбу сто долларов, брат!

— Что-о-о? Сотня? Неделю назад же было шестьдесят?

— Инфляция, брат! Мы не такие богатые, как вы, брат! — и скользит взглядом в мой карман...

Хозяин моих апартаментов за два месяца уже третий раз цену двигает и сочувственно языком цокает:

— Ужас, ужас! Инфляция! Ах, какая!

А еще мы здесь, все приехавшие из России, НЕ ДРУЖИМ между собой. У всех подозрительный взгляд, разное финансовое положение. Общество понаприехавших тут же разделилось на попрошаек, мошенников и стоиков. И самое интересное, что мошенники тащат бабки ИЗ СВОИХ ЖЕ! “Поможем устроиться на работу...”, “Поможем найти инвестора...”, “Поможем переехать в Армению, Эмираты, Казахстан: там лучше...”, “Поможем с жильем...”, “Поможем с садиками для детей...” — и всё за деньги. Всё это погано: кругом фейки и подставы. А стоики — себя отношу к ним — всё ждут, когда ЭТО ЗАКОНЧИТСЯ

и можно будет вернуться к своей, той жизни, которая нас всех устраивала и которую мы сейчас в голове своей уже вылизали, как леденец на палочке... <...> Наверное, я привыкну. Посмотрю еще пару стран и где-нибудь брошу якорь. И классно, что я сам по себе. Ни детей. Ни собак. Ни жены. Никого. Тут уж или привыкать, или...

Всем привет. Я понял главное. Главное — в мелочах. В простых человеческих бытовых мелочах. Картинка, колокольный звон в переулке, тыквенный латте, если хотите...

Я знаю, вы пишете роман. Это вам в подарок письма. Пригодятся...»

P. S. Ах, ну да! Чуть не забыла! Все герои вымышленные, все события придуманы, а совпадения с реальностью случайны...

Человек — дробь. Числитель — это его внешние, телесные и умственные качества, сравнительно с другими; знаменатель — это оценка человеком самого себя. Увеличить своего числителя — свои качества — не во власти человека, но уменьшить своего знаменателя — свое мнение о самом себе, и этим уменьшением приблизиться к совершенству — во власти каждого человека.

Л. Н. Толстой «Круг чтения»

ЧАСТЬ 1

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Всё расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Всё голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?..

А. Ахматова

Глава 1

ВЕЧНЫЙ ГОРОД

Где Вы теперь? Кто Вам целует пальцы?
Куда ушел Ваш китайчонок Ли?..
Вы, кажется, потом любили португальца,
А может быть, с малайцем Вы ушли.
В последний раз я видел Вас так близко.
В пролеты улиц Вас умчал авто.
И снится мне теперь — в притонах Сан-Франциско
Лиловый негр Вам подает манто.

А. Вертинский «Лиловый негр»

- Для новой судьбы нужны новые мозги.
- А у меня новые! Я столько перестрадала, передумала! У меня новехонькие!
- А у тебя куриные, ты уж прости, дорогая.
- Ну, знаешь! То, что ты токсичный сексист, я знала еще с первого дня знакомства. А вот то, что ты относишь себя к сообществу убийц и насильников, вот это новое! Вот это я по всему Интернету развешу! И то, что ты жмотяра! — Марьяша сорвалась на визг. Схватила полосатую переноску с кошкой Марфой и удалилась в ночь к ожидавшему ее таксомотору.

Глеб с чувством избавления от серьезной болячки вышел с заначенным косячком на балкон и, пыхнув травой на сонный город, удовлетворенно проводил взглядом огоньки спасительного такси. Должно было стать грустно от случившегося одиночества, но подступило, наоборот, легкое и веселое чувство освобождения.

«Оказался подлецом», — за уехавшую Марьяшу режюмировал он, еще раз глубоко затянулся и стал рассматривать раскинувшийся перед ним малознакомый город.

Город шевелился и шумел под балконом, как огромный, местами перелинявший ящер, у которого кое-где темными древними пятнами чернело старое тело исторической застройки, а где-то новой чешуей поблескивали окнами благообразные современные районы.

Все было странно и непривычно. И неожиданные гортанные вскрики, доносившиеся с местного стадиона в ночи. И теплый, тягучий воздух с привкусом песка, моря и раскаленного солнца пустыни. И практическое отсутствие в Иерусалиме оказавшихся теперь такими родными московских троллейбусов и трамваев. Только одно унылое недоразумение иногда тащилось, дребезжа по Яффской улице. Местные гордо называли его «наш скоростной легкий поезд», но Глеб готов был руку дать на отсечение, что это трамвай как трамвай, каких в оставленной им Москве бегало несколько сотен.

Зато днем город окутывал своей историей и древней магией. По улицам, связавшим в одно святыни трех непримиримых религий — иудаизма, христианства и ислама, — вышагивали прекрасные иудейки в военной форме. Ладно подогнанные рубашки хаки делали женские лица сексуальными и загадочными. А вокруг шумел современный восточный мир — любопытный, активный, самодовольный. Удивительным образом собравший в себя

архаику древности, коллективную коммунальность почившего СССР, а также гордость и самомнение Американских Еврейских Финансистов — вершителей судеб мира (во всяком случае, они таки сами так полагали).

Неожиданно, наблюдая механически за электронным цветным лучом, крутившимся рекламой где-то в центре новой застройки, Глеб вспомнил первую серьезную ссору с Марьяшей на новом месте.

Это было через пару недель после прилета из Москвы. Тогда друзья, Юджин и Ханна (Женёк и Галка), уже давно, более десяти лет назад, обосновавшиеся в Израиле и уверенно обжившиеся в Вечном городе, пригласили пару свежих беглецов выпить пива и послушать электронную музыку в «Ха-Цаацуа» — симпатичном и вполне демократичном по ценам местечке в самом центре Иерусалима.

Юджин на правах иерусалимского «деда» вел вечеринку:

— Ночь еще молода, мои московские беглецы! И у нас столько всего не выпито и не съето. Но! Пока мы все трезвы и прекрасны, я таки отмечу: дядя Юджин знал, где в Иерусалиме можно получить тыквенный латте, еще до того, как это стало геополитической проблемой. И дядя Юджин всегда советует делать, как надо, и не делать, как не надо. Поэтому первый тост за меня, за Юджина, великого и ужасного!

Ханна нежно чокнулась с мужем, Марьяша же хмуро цедила свой мохито. Женька терпеть не мог постных физиономий, а Марьяшины женские округлости его тайно волновали и беспокоили, поэтому он пошел на приступ этой цитадели, намереваясь выжать из мрачной, но соблазнительно жопастьенькой бывшей москвички восхищенную улыбку: